

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. Б. ЮСИФОВ, *Элам. Социально-экономическая история*, М., 1968;
WALTHER HINZ, *Das Reich Elam*, Stuttgart, 1964

Две рецензируемые работы, выполненные почти одновременно и независимо, удовлетворили, наконец, давно существовавшую потребность в подробном монографическом исследовании Элама — страны, игравшей в течение ряда тысячелетий важную роль в истории древней Передней Азии. Существенно различные и по методике, и по основным направлениям исследования, эти две работы вместе с тем в некоторых отношениях удачно дополняют друг друга. Именно поэтому их следует рассматривать вместе, отмечая основные противоречия.

Книга В. Хинца посвящена почти исключительно политической и культурной истории Элама. И это не случайно: такое пренебрежение историей социально-экономической характерно для многих западных историков, и особенно для западных востоковедов, предпочитающих «филологический» подход к материалу. Очень характерно в этом смысле высказывание самого В. Хинца на стр. 25. Говоря о протоэламском письме (III тыс. до н. э.), он отмечает: «Это письмо еще не расшифровано, ибо точное значение многих рисуночных знаков еще не известно и, вероятно, никогда не будет точно установлено. Исследователь истории терпит при этом меньше, чем кажется на первый взгляд: все документы, выполненные этим письмом, представляют собой одни только хозяйственные тексты — инвентари, приходно-расходные книги, квитанции, расписки». Разумеется, историк-марксист смотрит на все это совершенно иначе. Упомянутые тексты чрезвычайно важны для социально-экономической истории, и очень жаль, что пока невозможно их использовать. Впрочем, В. Хинц не использует в этих целях и клинописные документы более позднего времени, хотя они более или менее понятны, так как написаны на местном диалекте аккадского языка. Зато Ю. Юсифов именно эти тексты делает центром своего исследования и получает чрезвычайно интересные и ценные результаты. Заслуга Ю. Юсифова тем более велика, что работы, посвященные языку этих текстов, стали доступны уже после опубликования его книги, так что ему пришлось самому справиться с преодолением немалых филологических трудностей.

Хронология и политическая история Элама (особенно для раннего периода) изобилуют «белыми пятнами». Имеющиеся документы немногочисленны и противоречивы. Неудивительно поэтому, что Ю. Юсифов и В. Хинц нередко существенно расходятся как в отношении последовательности эламских правителей и их родственных связей, так и в датировках (ср. Ю. Б. Юсифов, стр. 75—76 и В. Хинц, стр. 150—151). Видимо, для окончательного решения этих вопросов следует ожидать появления новых текстов, пока же можно сказать, что точка зрения В. Хинца представляется, пожалуй, более убедительной.

Лучше, чем у Ю. Юсифова, сделан В. Хинцем очерк географии, этнографии, языка и письменности населения древнего Элама, так же как и занятий этого населения. Здесь особо следует отметить раздел, посвященный дешифровке эламского линейного письма, предшествовавшего введению клинописи. В. Хинцу принадлежит заслуга первой, хотя и не всеми принятой, дешифровки линейного письма.

Весьма интересен в книге В. Хинца также очерк эламской религии и культуры. Следует только заметить, что выводы В. Хинца о некой «уникальности» характера эламитов, их «мрачности» и «пессимизме» (см. стр. 23) основаны больше на догадках и личных эмоциях автора, чем на реальных материалах.

Как уже отмечалось, социально-экономическую историю Элама В. Хинц практически игнорирует. Лишь эламскому праву он посвятил очень краткий и, следует прямо сказать, весьма поверхностный очерк. Зато Ю. Юсифов именно юридические документы Элама положил в основу своей работы, и в этом направлении он сумел полу-

читать важные и интересные, хотя и не всегда бесспорные результаты. Рецензент не считает нужным пересказывать содержание отдельных глав книги Ю. Б. Юсифова: каждый, кто интересуется социально-экономической историей древнего Востока, прочтет ее с пользой и удовольствием. Здесь же будут главным образом указаны некоторые спорные положения, на которые следует обратить внимание читателей и автора.

Пожалуй, наиболее интересна и вместе с тем наиболее спорна глава II («Типы общины и общинное хозяйство»), где рассматривается вопрос о сельской и домашней общинах. Прежде чем перейти к ее разбору, следует отметить один композиционный недостаток книги. Вероятно, было бы логичнее после рассмотрения вопроса о домашней общине непосредственно перейти к исследованию различных аспектов частного хозяйства (им посвящена глава IV), тем более что, как полагает Ю. Б. Юсифов, «домашне-общинная и частная формы собственности являются двумя разновидностями одной собственности (в Эламе — В. Я.), так что здесь разница не в характере собственности, а в типе ведения хозяйства» (стр. 272). Может быть, эти главы вообще следовало бы объединить. Ведь многие документы фигурируют в обеих главах, так что от такого объединения книга стала бы более компактной, более удобочитаемой.

При исследовании сельской общины основной задачей является установление ее социально-экономической сущности. Была ли община в Эламе коллективным собственником земли, или она в рассматриваемый период (II тыс. до н. э.) представляла собой уже чисто административную единицу? При чтении соответствующего раздела книги Ю. Б. Юсифова создается впечатление, что автор подошел к рассмотрению этого вопроса с уже готовой концепцией. Он пишет: «В Эламе существовала сельская община, но о характерных для нее формах коллективного землевладения прямых сведений нет. Именно через эту стадию должно было пройти общество до того, как образовалось и возникло государство» (стр. 91). Однако почему, собственно, «до»? Хорошо известно, что коллективное землевладение в Месопотамии (в Ассирии) существовало еще в середине II тысячелетия, а возможно, и позже. Поэтому нельзя признать основательным и довод (а одновременно и вывод), приведенный автором на стр. 111: «Вряд ли, судя по имеющимся документам, можно говорить о существовании коллективной собственности общины в районе Суз, а может быть даже и во всем Эламе, так как страна в целом уже давно, еще в III тысячелетии, вступила в сношения с Месопотамией... По-видимому, процесс разложения общины происходил по всей стране уже в III тысячелетии, но общинную специфику, выраженную в коллективном землевладении, одни районы потеряли раньше, а другие позже». Здесь в сущности Ю. Б. Юсифов утверждает именно то, что необходимо тщательно доказывать. Центральное место в таком доказательстве должен, очевидно, занять вопрос о значении термина, передаваемого в частичноправовых документах идеограммой BAL (акк. *pañu*). Очень бегло (и не вполне ясно) изложив точки зрения В. Шейля и П. Кошакера по этому поводу, Ю. Б. Юсифов высказывает мнение, что в рассматриваемых документах этот термин может иметь только значение «район», а значение «очередь» (передела) «вернее отнести к более раннему периоду, когда земли внутри общины подлежали периодическому делению» (стр. 95). Доводы, приводимые Ю. Юсифовым в пользу предложенного им толкования термина BAL, не представляются достаточно убедительными. Прежде всего он не разбирает всех контекстов, где встречается этот термин, и даже не указывает номера соответствующих документов. Далее, нельзя не признать странным, что земли общины делятся на «прогумерованные» районы, — это слишком напоминает XX в. нашей эры. Тот факт, что термин BAL «предшествует не имени собственному, а территориальному обозначению» (стр. 94), не является решающим доводом. Но особенно важно, что, как отмечает сам Ю. Б. Юсифов, «первые два района встречаются очень редко, а последний район упоминается сравнительно часто» (стр. 96). Если бы речь в текстах действительно шла о «районах», они должны были бы встречаться с примерно одинаковой частотой, и предпочтение, оказываемое «третьему району», необъяснимо. Однако оно легко объясняется, если предположить, что речь идет об «очередях»: в этом случае соответствующее место в тексте означает «(все) три очереди». Во всех приводимых на стр. 95 примерах перевод «очередь» вовсе не противопоказан.

Кроме того, Ю. Б. Юсифов предполагает, что сверх «нумерованных» районов «сузская» община делилась в сисемив на две части: на *ālu* и *šeru* (стр. 96). В действительности же из всех текстов, где это выражение встречается, ясно видно, что оно означает «везде» и «всюду», «где бы то ни было» (речь всегда идет о некой совокупности имущества, где бы оно ни находилось). Здесь перед нами, таким образом, просто юридическая формула, а не реальное деление общинной территории. Но вернемся к термину BAL. Подводя итоги, следует сказать, что понимание этого термина как обозначения некой постоянной части общинной территории вызывает ряд трудностей при переводе и истолковании текстов. В целом ряде текстов перевод этого термина как «очередь (передела)» представляется более логичным (см., например, документы № 11, 16, 382).

Автор этой рецензии намерен посвятить термину BAL специальную работу. Пока же следует, видимо, признать данный Ю. Юсифовым анализ этого термина нецелым и тем самым поставить под сомнение его вывод об отсутствии в Эламе общинной собственности на землю.!

Гораздо более доказателен раздел, посвященный семейной общине, и в частности, таким интересным ее аспектам, как усыновление и братство, а также гражданской семье. Здесь Ю. Юсифов очень тщательно и подробно анализирует документы, лежащие в основе делаемых им выводов. И можно смело утверждать, что большинство этих выводов войдет в научный обиход.

Однако следует отметить, что попытки Ю. Юсифова определить имущественные права эламской женщины при выходе замуж на основании сильно фрагментированного обрывка текста так называемых «Сузских земельных законов» и делать из него далеко идущие выводы неудачны. Автор останавливается на встречающемся в этом тексте термине E.DU.A ša ERE, т. е. «дом раба» (?), и пытается интерпретировать его, привлекая вавилонский документ № 183 из издания М. Шорра. В выполненной М. Шорром транскрипции этот текст содержит термин *bīt amtim*, т. е. «дом рабыни». Ю. Б. Юсифов пишет: «Этот документ и закон как бы взаимно дополняют друг друга и позволяют выявить до сих пор неизвестные имущественные отношения, существовавшие в домашней общине» (стр. 167—168). Чтение *bīt amtim* в упомянутом документе давно уже вызывало споры среди исследователей, так как делало его малопонятным, и это обстоятельство должно было заставить Ю. Юсифова быть более осторожным, имея в своем распоряжении всего два, да еще малопонятных документа. Документ № 183 был недавно сверен по оригиналу. Сверку произвел Э. Солльберже по просьбе Ф. Крауса, и при этом выяснилось, что соответствующее место следует читать *qā-t[i] m[u]-ti-ša* «руку мужа своего»¹. Такое уточненное чтение делает документ вполне понятным и заурядным, но «дом рабыни» в нем тем самым исчезает. «Сузский закон» остается, таким образом, в одиночестве, а предложенное Ю. Б. Юсифовым толкование лишается подкрепляющей его параллели.

Необходимо, однако, отметить, что там, где автор говорит об имуществе женщин, опираясь на другие тексты, его выводы весьма основательны.

Очень интересен и богато документирован раздел книги, посвященный распаду семейной общины и разделу имущества. Здесь Ю. Б. Юсифов на стр. 199 слл. предлагает свое собственное понимание ряда терминов, встречающихся в документах о разделе имущества. Значения, предлагаемые им, существенно расходятся с теми, которые даются в соответствующих больших и малых словарях. Весьма возможно, что прав именно Ю. Б. Юсифов, но приведенная им аргументация опирается лишь на несколько текстов. Это, конечно, нарушает основной принцип лексикографии, требующий сопоставления всех известных текстов, содержащих исследуемое слово.

Глава III посвящена государственному и храмовому хозяйству. Здесь автор исследует методы ведения этих хозяйств, царские земельные пожалования, служебные наделы, привилегии, положение различных категорий свободных и зависимых царских и храмовых людей и ряд других вопросов. Приводится большое количество текстов, толкование которых, по-видимому, не вызовет у читателей существенных возражений.

IV глава посвящена частному хозяйству и исследует все аспекты его экономической жизни. Говоря о займах и залогах, автор отмечает черты сходства и различия между эламской и вавилонской практикой. Хотя степень сходства здесь значительна, создается впечатление, что эламская частнопредпринимательская система в этой области (как, впрочем, и в ряде других) была более архаичной и, если можно так выразиться, менее секуляризованной (см. стр. 292 и 307). С другой стороны, не имеется документов, свидетельствующих о практике залога личности за долги. Ю. Б. Юсифов полагает, что такое явление в Эламе вообще отсутствовало (стр. 307). Однако это маловероятно, ибо в таком случае Элам представлял бы собой совершенно уникальное явление в истории древности. *Argumentum ex silentio* в данном случае не может быть принят, тем более что нам известно всего несколько десятков долговых документов.

В этой главе есть еще два спорных пункта, которые следует обсудить более подробно.

Это раздел, посвященный аренде и в частности различиям между двумя видами аренды: арендой «за наличный расчет» и арендой из доли урожая. По поводу первой Ю. Б. Юсифов оспаривает мнение своих предшественников, предлагая читать соответствующую клаузулу в арендных договорах не *esip tabal*, т. е. «собери и унеси (урожай)», а *ezib tabal*. Предлагаемый им перевод: «оставь (поле) и унеси (урожай)». Ю. Б. Юсифов, по-видимому, совершенно прав, когда в отличие от П. Кошакера видит в договорах такого рода не залог, а аренду, и считает, что § 49 законов Хаммурапи, где встречается этот термин, к условиям Суз без оговорок применен быть не может. Однако оговорки Ю. Б. Юсифова не представляются достаточными. § 49 ЗХ, как это хорошо видно по его положению среди других параграфов, связан и с арендой (§§ 42—47), и с расчетами по долгам (§ 48). В § 49 речь идет об особом способе уплаты долга, когда должник предоставляет кредитору поле в аренду, а плата считается полученной заранее (в виде одолженной суммы). Это именно аренда, только вынужденная, а не *Pacht-*

¹ См. F. R. Kraus, *Von Altmesopotamischen Erbrecht*, «Stud. et doc. ad jura orientis antiqui pertinentia. Vol. IX. Essays on Oriental Laws of Succession», Leiden, 1969.

antichrese, как называл такую сделку Сан-Николо, ибо земля представляется на один сезон и не в покрытие процентов по долгу, а в уплату долга вместе с процентами. Однако доход с поля может значительно превысить сумму долга, процентов и расходов на обработку, т. е. такая сделка является кабальной. Поэтому она, в соответствии с общей тенденцией ЗХ к ограничению подобного рода сделок, § 49 запрещена. Отсюда, однако, не вытекает запрет на действительную аренду с уплатой вперед (ср. § 45). По-видимому, именно этот тип аренды был довольно широко распространен в Эламе. Отсюда следует, что соответствующее место в ЗХ и в эламских текстах следует читать именно *esip tabal* «собери и унеси (урожай)». Такая формулировка означает просто-напросто, что арендатору принадлежит весь урожай, а не его доля, как в другом типе аренды. Чтение и перевод, предложенные Ю. Б. Юсифовым (*ezib tabal* — «оставь и унеси»), неубедительны и нелогичны. Непонятна уже сама формула «оставь (землю) и унеси (урожай)», ибо «унести» вместе с урожаем и землю невозможно. Кроме того, непонятен в этом случае и порядок глаголов. В аккадском языке прямое дополнение всегда стоит перед соответствующим глаголом. Поэтому первый из двух глаголов может относиться только к урожаю.

Второй спорный пункт — некоторые положения, содержащиеся в разделе о купле-продаже. Ю. Б. Юсифов считает, что формулировки договоров о купле-продаже земли подтверждают его мнение о превращении общинной земельной собственности в Эламе в частную. Однако приводимая им на стр. 375 формула купчей на землю может быть истолкована и в другом смысле. Прежде всего, в тексте содержится фраза *a-na du-úr ù pa-la*. Ю. Б. Юсифов переводит ее «навечно и на очередные годы», а в примечании указывает, что «здесь *palū* применено в его основном значении». Однако это противоречит тому, как сам же он трактовал этот термин раньше! Можно было бы, конечно, возразить, что здесь этот термин применен в другом контексте, однако для того, чтобы такое возражение было весомым, необходимо было привести и сравнить все контексты, чего, как уже отмечалось, автор не сделал. Далее, после упоминания «потомства» в тексте значится: *ana baqri u rāgimāni* ^m*Damiq* ^d*Insušinak ana* ^d*Ilbrat-abt izzaz*, что Ю. Б. Юсифов переводит «(без будущих) претензий и иска Дамик-Иншусинак Илабратаби предоставляет». Однако такой перевод невозможен по грамматическим причинам, ибо Ю. Б. Юсифов здесь игнорирует предлог *ana* в начале фразы, да и *izzaz* невозможно перевести как «предоставляет». Следует переводить: «Против иска и претензий Д. для И. выступит», т. е. здесь содержится обязательство продавца защищать покупателя от возможных в будущем претензий (такого рода обязательство продавца весьма обычно в клинописном праве). Все эти клаузулы, однако, как и следующая за ними клаузула, не допускающая возможность выкупа, не позволяют сделать вывод о наличии частной собственности. Ведь на таких условиях может продаваться и доля в общинной земле. Косвенно в пользу этого последнего предположения свидетельствует и тот факт, что, как отмечает Ю. Б. Юсифов на стр. 372, размер продаваемого поля иной раз в документах не указывается, а просто говорится «малое или большое», т. е. все, сколько есть. Таким образом, следует вновь признать, что вопрос о наличии или отсутствии в Эламе общинной собственности на землю остается пока открытым.

Таковы основные замечания, которые рецензент счел необходимым сделать к работе Ю. Б. Юсифова. Следует еще отметить мелкие погрешности, явившиеся, вероятно, следствием опечаток.

Так, на стр. 45 в прим. 132 страница работы Д. О. Эдгарда не 52, а 32. На стр. 169 (вторая строка снизу) номер документа следует читать не 358, а 538. На стр. 284 в приведенной там транскрипции (в предпоследней ее строке) после слова *kaspam* следует вставить *išaqal*. Наконец, на стр. 287 в четвертой строке второго абзаца после слова *GUR* следует вставить цифру 150.

В заключение следует отметить еще одно обстоятельство. Как уже говорилось выше, Ю. Б. Юсифовым в ходе подготовки книги были обработаны все относящиеся к делу документы. Коль скоро эта работа была уже проделана, следовало дать в приложении к книге полную транслитерацию и перевод текстов, тем более, что в книге цитируются только отрывки. Читатели получили бы таким образом исключительно ценную сводку документов по Эламу, которые разбросаны в многочисленных и труднодоступных изданиях. Объем же книги возрос бы не очень значительно.

Наконец, необходимо еще раз подчеркнуть, что высказанные критические замечания не снижают общей высокой оценки труда Ю. Б. Юсифова.

В. А. Яковсон